

УДК 808.2(076)

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ В КОНТЕКСТЕ СЮЖЕТОВ СЛАВЯНО-РУССКОГО ПРОЛОГА XV ВЕКА

© 2012 г.

Т.Д. Маркова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

tdmarkova@mail.ru

Поступила в редакцию 09.12.2011

Рассматривается влияние идей Григория Паламы на содержание древнерусского Пролога. Приводятся примеры отражения в Прологе важнейших христианских идей света, молитвы и безмолвия страстей, транслированных в русскую культуру через учение Григория Паламы.

Ключевые слова: Пролог, наследие Григория Паламы, русская культура, русская ментальность.

Русь XIV–XV веков предстаёт под знаком Византии, её влияния, возрождения и расцвета монашества, созерцательного подвига. В это время на Руси становятся известными труды Григория Паламы, в которых было обобщено исихастское учение о безмолвии, молитве и созерцании Нетварного Света, отождествляемого Паламой с Фаворским светом, озарившим Христа во время Преображения.

Святитель Григорий Палама и другие исихасты учили и доказывали собственной жизнью, что восприятие Божественного Света становится доступным человеку не путём философских рассуждений, но постоянным очищением души, совершенным безмолвием чувств и помыслов, непрерывным упражнением в Богомыслии и молитве.

Духовные деятели русского Возрождения, книжники и книголюбы, были убеждёнными исихастами. Благодаря им **Русь восприняла дух Византии в разработанных понятиях и категориях, проникнутых античной гармонией** эллинической эстетикой, что оставило «печать светлости, лёгкости и окрылённости» в русской культуре [1, с. 111]. Проф. протоиерей Георгий Флоровский говорил по этому поводу: «Христианский преображённый эллинизм насквозь историчен, эллинизм в Церкви как бы увековечен, введён в самую ткань церковности, как вечная категория христианского существования» [1, с. 111].

Итак, чтобы догматически подкрепить живой опыт веры, святитель Григорий Палама, обобщая всё, о чём говорили и писали предшественники-исихасты, формулирует учение о таинственных Божественных энергиях, к восприятию которых приближает чистота жизни, души и всех помыслов и непрерывная молитва

пламенеющего любовью сердца. В этом состоянии человек способен увидеть то, свидетелями чего стали апостолы на Фаворе – Нетварный Свет Преображения Христова. Идея о таком духовном, светоносном творчестве открывающем Вечность уже здесь, на земле, буквально окрылило Русь эпохи второго южнославянского влияния, стремление этноса к Преображению вызвало к жизни небывалые, до поры скрытые силы творчества и созидания. Оказалось, что «Бог выше не только знания, но и непознаваемости» [2, с. 67], а следовательно, нужно лишь неустанно совершать духовную работу – и Вечность вольётся в душу потоками Божественных энергий. **Всё пространство литературы той эпохи многократно резонировало вестью о «близости неба».** Прологи не были исключением.

Свет будущего века – «тот самый свет, который осиял учеников при Преображении Христовом» [2, с. 115], озарит ум, «очищенный добродетелью и молитвой» [2, с. 115]. Стремление к чистоте души и помыслов превращается в единый для всех общественный идеал Руси XIV–XV веков, так как в этом стремлении видится путь к надмирному единению с Богом. Безусловно, наличие социально-культурной нормы ещё не означает всеобщего соответствия этой норме. Однако признание и принятие этносом ценностной иерархии, вершиной которой было объявлено стремление к обожению через чистоту земного бытия, определённым образом настроило всю систему мировосприятия и мировоззрения, а значит, как следствие – и **смысловое поле языка.**

Самые талантливые люди Руси той эпохи, независимо от сословной принадлежности, пола и возраста, откликнулись на пример византий-

ских и русских исихастов, желая получить «благодатный и святой дар незапятнанных душ и умов» – Божью славу и Божий свет, не только созерцаемый, но и наполняющий сердце невыразимым блаженством [2, с. 120]. Древнерусские Прологи пронизаны идеями исихазма. Пролог повествует о жизни подвижников, узревших славу Божию, и призывает последовать их примеру; Пролог учит тому, что есть Свет Превечный, и наставляет на путь, ведущий в царство Вечного Света. Каждый фрагмент Пролога содержит в той или иной форме учение о том, как очистить ум, душу и сердце, как наполнить чистотой жизнь, чтобы принять благодать и истину.

Праведники, о которых повествует Пролог, обладают даром прозрения и исцеления, все их помыслы и устремления связаны с желанием прославлять своими делами Бога и служить ближним, жизнь этих людей протекает в духовном подвиге, молитве и телесном воздержании. В итоге Божественный свет, который стал для подвижников доступен, является зримо, освещая их лица и проникая в наш мир. Древнерусский читатель, даже никогда не читавший серьёзных богословских творений святых отцов, читая Пролог, узнаёт о том, что «как глаза чувственного зрения видят чувственное солнце, так праведники глазами души видят умный свет» [2, с. 65], а «энергия Духа в очистившейся душе» подобна «силе зрения в здравствующем око» [2, с. 334]. Сюжеты Пролога свидетельствуют о том, что «как огонь, прикрытый непрозрачным веществом, нагреть его может, а просветить нет, так и ум, когда на нём лежит глухое покрывало злых страстей, может произвести знание, но никак не свет» [2, с. 73]. На примере раскаявшихся грешников Пролог рассказывает читателю о том, что «начало духовного созерцания – добро, купленное чистотой жизни» [2, с. 115], и что человек, победивший свои страсти, сам наполняется духовным светом и «созерцается как духовный свет» [2, с. 335].

Учительные фрагменты Пролога транслируют идеи исихазма в первую очередь: *Въсхоци те убо братие слышати что творяху отцы наши, в своих келиахъ седяще. Прочти жития ихъ. И навькни первее обаче телесное делание ихъ. Также азъ ти възвещу духовное делание* – читаем в «Слове святого Симеона Нового Богослова» [3]. Далее Пролог повествует нам о подвигах святых отцов: о нестяжании и посте, воздержании и терпении. Подвигающийся в духовном делании примет *по достоянию мзду*, а Господь *въздвиже его от ада тмы душевныя и възведе его в чудный свет лица Своего*. Более

того, как наставляет святой Симеон, без духовного делания *како Бога въ Святель Душе видети сподобимся и исполнитися радости никакоже*. При этом необходимо заметить, что духовный подвиг, которому, вслед за исихастами Византии, учил своих читателей славяно-русский Пролог, наполнял подвигающегося не унынием и мрачностью, а светом и радостью: *Будем же убо светли лицемъ. Радующеся о Душе Святель. И дарех Господнихъ. Плачущесе и рыдающе смыслом Бога моляще. Яко да съблюдетъ ны от всякоа злы вещи. И да не лишитъ ны Царства Своего* («Слово святого Ефрема»). Слёзы, о которых говорит святой Ефрем, – это слёзы, очищающие душу и рождающие всяческие добродетели, среди которых главной будет светлая любовь: *Плачь душо омываетъ, и чистоту свершаетъ* («Слово святого Ефрема»). Пролог порицает не духовную радость, а пустой смех: *Смехъ вашъ въ плачь да преложитъся. И радость ваша въ жалость* [3].

Нередко поучительные фрагменты Пролога строятся на синтаксическом параллелизме и антитезе, формируемой как языковыми, так и контекстуальными антонимами. Так, в «Слове святого отца нашего Евагрия о умилении души» антитеза позволяет передать ощутимые для человека свойства Бога в контрасте со свойствами немощной и грешной души человека: *Горе тебе душе. Коль краты ты на день умилилъ естъ, и пакы разленися. Коль краты ты просвети, и ты не разуме. Коль краты ты наслади, и ты не прилежи. Коль краты ты укрепи, и ты раслабе. Коль краты ты исцели, и пакы узавися. Коль краты ты научи, и ты не пребыть в томъ учении* [3]. Бог описывается здесь как источник света, радости, силы, исцеления, мудрости. И, безусловно, милости, так как подаёт блага бесчётное количество раз, невзирая на безнадежную, казалось бы, греховность человека.

Созидательный труд Древней Руси, собиране Земли Русской и накопление сил для освобождения от татар – всё это проходило **под знаком молитвы**. Молились иноки многочисленных монастырей, построенных на Руси в эпоху святого преподобного Сергия, молились по мере сил и дарований миряне всех сословий. Молитва освящала труды, а те, в свою очередь, приносили многочисленные плоды. Подчернём: молитвенное напряжение Древней Руси было не столько словесным, сколько созидательным. Молитва была тем **смыслом**, который наполнял каждое дело рук человеческих. Именно так призывали молиться исихасты: «Во всю меру наших сил надо творить непрестанную молитву и делом, и словом, и помышления-

ми...» [2, с. 159]. **Молитва** не была словесным ритуалом, молитва не была заклинанием, но **осмысливалась Русью как путь** соединения с Богом, путь вхождения в Вечность, в мир Пакибытия, где всё наполнено Надмирным Светом Пресвятой Троицы: «Нуждаемся мы в этом непрестанном молении не для того чтобы убедить Бога, ведь Он подаёт утешение по Своей воле, и не для того чтобы привлечь Его, ведь Он везде, а для того чтобы своим зовом самих себя возвести и обратиться к Нему в стремлении приобщиться к Его благодатным дарам. <...> Мы взываем к Нему непрестанно для того, чтобы самим непрестанно быть с Ним» [2, с. 157]. И в этом молитвенном напряжении Русь осмысливала и себя как нечто целостное, объединённое единым стремлением, направленное в общем порыве в мир будущей жизни. Молитва Древней Руси не разобщала, а максимально объединяла людей. Напомним, что идеология эпохи второго южнославянского влияния, основанная на духовной практике византийских и русских исихастов и поддержанная авторитетом святого Сергия, была спасительной для этноса, перед которым стояла невыполнимая задача – выжить в условиях татаро-монгольского ига и княжеских междоусобиц. И Русь не просто выжила, но вышла из этих нечеловеческих испытаний возрождённой и цветущей. Скорбь и испытания, пережитые Русью, лишь усилили всеобщую молитву, наполнили её очистительными слезами: «...осязаемая скорбь не только не мешает молитве, но даже необычно содействует ей», – говорит нам Палама [2, с. 182]. Действительно, **исихазм на русской почве подтвердил истинность своего опыта самой жизнью**: «...всякое слово борется со словом, но какое – с жизнью?» [2, с. 79]. Как в раздираемой междоусобицами стране, нещадно обираемой и разоряемой непрестанными набегами татар, могло родиться великое, неповторимое искусство русского Возрождения? Объективных материальных предпосылок для расцвета культуры в XIV–XV веках мы не обнаруживаем. Однако Григорий Палама отвечает на этот вопрос, говоря: «Над чистотой ума во время молитвы вспыхивает свет Святой Троицы и ум поднимается тогда выше молитвы...», а душа вбирает в себя «обнажённые умные смыслы и божественные воссияния, льющиеся миром и радостью» [2, с. 90–112]. Эти смыслы и впитала в себя древнерусская культура Сергиевской эпохи, а отблески Света, обильно изливавшегося на молившуюся в едином порыве Русь, видны и в последующие два столетия.

Не только многочисленные наставления, но и повествования, житийные фрагменты, содержащиеся в древнерусских Прологах, посвящены молитве, обязательному упоминанию о том, как молились мученики и подвижники, как молитва угодников Божиих была услышана и принесла несомненный плод. **Моделируемый в Прологе стандарт жизни включал в себя молитву как важнейшую и неотъемлемую часть земного бытия**. Молитва и освящала, и просвещала жизнь Древней Руси, что отражено в Прологе при помощи лексем с семантикой света: *Сей святыи Далмат <...> живый благочестно и богоугодно. И Христа ради оставивъ жену и чада. Точию сына своего Фавста поемъ съ собою прииде к преподобному Исакию бывшему в постничестве и святемъ житии. К высоте добродетелней великъ являся. Дивный же сей Исакие от своих пелень в пустыню вселися и всякыя вещи добродетельныя проходя. Темъ и слово его светло бяше* («Память преподобных отец наших Далмата, Фавста и Исакия святых»). Отметим характерную затекстовую подачу идеи молитвы: прямо молитва в данном отрезке текста никак не обозначена, но упоминание о благочестии, богоугождении, постничестве и добродетели обязательно предполагает молитву. Для мировоззрения граждан Древней Руси это было абсолютно естественно и не требовало специальной декларации. Неслучайно завершает приведённый фрагмент утверждение о том, что слово святого было светлым, то есть наполненным светом божественной благодати. Это также совершенно понятное для Древней Руси напоминание о молитве.

Молитва ассоциируется в повествованиях Пролога с чистотой души и является нередко наименованием средства очищения души и жития. Так, в повествовании об «Обретении нерукотворенаго Образа Пречестнаго» рассказывается о блаженной Акилине, которая **озарившися божественною благодатию** <...> *всенощными стояньми тщащися повсегда в постех и молитвах всякую чистоту душевную и телесную в себе имуще. И чистоте пристоящи яже и сподобльшися откровение Святаго Духа въсприяти* [3]. Текстовая синтагматика связывает воедино семантику наименований света, благодати, молитвы, чистоты, откровения Святого Духа. Регулярность реализации синтагматических связей этих лексических единиц приводит к включению их в одну лексикотематическую парадигму, объединённую одним семантическим инвариантом.

Итак, молитва была главной формой непрерывного диалога, который вела Древняя Русь с

Триипостасным Творцом. В молитвенном диалоге с Богом, по учению исихастов, неразрывно связаны слово, мысль и действие. Молитвенное делание не пассивно, молитва является очень активным началом, как и Свет, созерцаемый теми, кто в совершенстве освоил искусство «умной молитвы». Активность и действенность молитвы обусловлена также тем, что непрестанность молитвенного диалога является категорией не внешнего человека, существующего во времени, а человека внутреннего, созданного для Вечности и соприкасающегося с Вечностью [4, с. 326]. А соприкосновение с невидимым и запредельным требует наивысшего напряжения всех сил души. Вместе с тем человек, переживающий подобное напряжение, не может быть ни пассивным, ни бесчувственным. Следовательно, бесстрастие, свойственное подвижнику, – это отнюдь не бесчувствие, а именно бесстрастие. И безмолвие подвижника – это вовсе не обязательное молчание, но, в первую очередь, безмолвие страстей. В диалоге с Богом страсти умолкают. Это и есть то, что исихасты называют безмолвием. Именно это безмолвие и проявляется в искусстве Древней Руси.

Ещё один пример. Исследуемый Пролог содержит такой учительный фрагмент, как «Слово святого Афанасия». В этом фрагменте определены главные средства стяжания бесстрастия через очищение души: *Пять крещений даль есть Богъ человеку роду. Очищающе человеческаа вся прегрешения. Первое крещение водою и духомъ. Второе крещение покаание еже есть*

исповедание своихъ грехов. <...> Третье крещение мучение, сиречь кровию своею очиститися. Четвертое крещение отвержение мира. <...> Пятое крещение своими слезами, имиже очиститися блудница. <...> Неть того греха иже бы удалель Божии милости [3].

Святитель Григорий Палама пишет о том, что молчание страстей приводит не к пассивности, а к преумножению добродетелей и любви [2, с. 199]. Любовь же, по словам того же автора, есть полнота добродетелей, приближающая к Богу и уподобляющая Богу [2, с. 291]. Таким образом, главным результатом молитвы исихасты называют любовь, творящую добро. Сердцу, умеющему любить, даруется и вера – «знание, превосходящее всякое разумение» [2, с. 257]. Об этом своим читателям неустанно твердили и древнерусские Прологи.

Список литературы

1. Концевич И.М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. 230 с.
2. Палама Г. Триады в защиту священнобезмолвствующих. СПб.: Наука, 2007. 429 с.
3. Пролог с мес. июня по ноябрь 1429 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stsl.ru/manuscripts/index.php> (дата обращения 10.01.2011).
4. Постовалова В.И. Сокровенный диалог в духовном опыте священнобезмолвия // Моно-, диалог, полилог в разных языках и культурах. М.: Индрик, 2010. С. 305–331.

SPIRITUAL LEGACY OF GRIGORY PALAMA IN THE CONTEXT OF THE OLD RUSSIAN PROLOGUE OF THE 15th CENTURY

T.D. Markova

We study the influence of Grigory Palama's ideas on the content of the Old Russian Prologue. The author gives some examples of the reflection of major Christian ideas of light, prayer and silence of passions reproduced in the Russian culture through Grigory Palama's teaching.

Keywords: Prologue, legacy of Grigory Palama, Russian culture, Russian mentality.